

Польское опосредование сказалось в фонетическом оформлении этих заимствований.

Кроме того, в тексте Син. 710 встречаются лексемы, не находящие соответствия в параллельных чтениях Брестской библии, но являющиеся, несомненно, заимствованиями (иногда у брестских переводчиков они присутствуют в других местах): *граница* (цсл. *концы земли*) (104, 33), *оздоба* (= красота) (64, 13), *набытие* (пред. л. 5 об.) и др.

Ряд лексем представляет, кажется, дословные заимствования из Гданьской Библии 1632 г., не совпадая с соответствующими чтениями в Брестской: *велерыб* (103, 26), *пагорчистой* (67, 16), *глупство* (48, 14).

Как известно, вопрос о польских заимствованиях в русском литературном языке XVII в. далеко не является решенным, не определены с достаточной четкостью критерии отнесения тех или иных слов к разряду полонизмов, украинизмов, западноруссизмов, о чем свидетельствуют, в частности, недавние рецензии на первые вышедшие тома Словаря русского языка XI—XVII вв. (далее: Сл. РЯ XI—XVII вв.). В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть лексику ПсФ, относящуюся к разряду «текстологических полонизмов», на широком фоне показаний известных глоссариев XVII в. Мы использовали для сопоставительного анализа «Лексикон» Берынды [20], «Синонимы славенороссийские» [21, 22] и «Лексикон польский с толкованием российским» (Отдел рукописей Государственного исторического музея, Чудовское собрание, № 366) [23—25].

Относительно значительного числа слов, «уличенных» нами, так сказать, в польском происхождении, нельзя сказать однозначно, не были ли они в то же время для Фирсова и его современников элементами собственного литературного языка, «нашего обиклого словенского», и не потому ли именно переносились им так легко, без перевода, из польского текста в русский.

Так, говоря о лексемах *внутренность*, *темность*, *тяжкость*, *глупство*, *дедичество*, *выбавление* и ряде других, приходится признать на основании глоссариев, что они вне зависимости от польского своего происхождения могли восприниматься авторами конца XVII в. уже как достояние русского литературного языка, по крайней мере в его западнорусской редакции. К русской лексике, связанной с польской лишь ассоциативно, через посредство полонизирующей словообразовательной модели, следует, видимо, отнести *волгость* (при пол. *wielgotność*), *толстость* (при пол. *tłustość*), глагол *досвидетельствовать* (при пол. *doświadczyć*), *упадение* (пол. *upadnienie*).

Напротив, относительно слов *вонность* ‘запах’ и *низкость* ‘ад, преисподняя’ можно, очевидно, сказать, что они являлись для Фирсова лексической инновацией (при цсл. *воню*, *прѣисподьнь*). С другой стороны, в нашей Псалтири встречаются полонизмы, не привившиеся в русской лексике (*набытие*, *поднебение*) или получившие на русской почве новые семантические оттенки — *господарство* в значении ‘государство’ [26].

В качестве дополнительной диагностики для лексики, возможно, польского происхождения следовало соотнести ее со словарным составом польского, украинского и русского языков. Рабочей гипотезой служило для нас предположение о том, что наличие той или иной лексемы или групп лексем в словарном составе одного языка при отсутствии их в словаре другого языка могло бы использоваться в качестве аргумента при определении первоначального их происхождения. Наш анализ (оставляем в стороне многие интересные детали) позволяет установить следующую закономерность.

Почти вся интересующая нас лексика присутствует как в «Словаре польского языка» Карловича [27], так и в «Словаре современного русского литературного языка». Наличествует она также в Сл. РЯ XI—XVII вв. Нужно, однако, принять во внимание следующее.